

Научная статья

УДК 130.2:316.4.051.52

doi: 10.17223/22220836/45/6

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ: ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ¹

Ольга Тимофеевна Лойко

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
olgaloyko@tpu.ru*

Аннотация. В статье представлены воззрения В.С. Соловьева на проблему памяти. На основе анализа произведений В.С. Соловьева («Философские начала цельного знания», «Теоретическая философия», «Тайна прогресса», речи, посвященные памяти выдающихся деятелей российской и мировой философии и культуры, статьи в энциклопедическом словаре и некрологи) предложено понимание памяти в контексте культуры. Высказана гипотеза о возможном применении идей В.С. Соловьева для изучения памяти в ситуации «мемориального бума».

Ключевые слова: Владимир Соловьев, память, культура, добросовестность, истина, оправдание добра

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского политехнического университета. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00237).

Для цитирования: Лойко О.Т. Владимир Соловьев: память в контексте культуры // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 45. С. 52–58. doi: 10.17223/22220836/45/6

Original article

VLADIMIR SOLOVYEV: MEMORY IN THE CONTEXT OF CULTURE

Olga T. Loyko

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, olgaloyko@tpu.ru

Abstract. The father from us through the ages is the only truly original Russian philosopher Vladimir Sergeevich Solovyev (1853–1900) the greater his personality in all forms of his scientific works, publishing activity, citizen activism.

A confusing picture of modern philosophy animated with multiple theories of Modernism and Postmodernism reflects diverse philosophical reception of the global world of sustainable development. A variety of philosophical discourses fosters latent aspiration for coherence, methodological discipline and authenticity which were clearly developed by Vladimir Sergeevich Solovyev. Therefore, Solovyev's works considering memory as a phenomenon in all diversity of its modes can become a kind of Plato's "second navigation" in countless philosophical wanderings.

The aim of the article is to study the issue of memory in the works of the Russian philosopher Vladimir Sergeevich Solovyev. On the way to achieve the goal we must solve the next tasks: 1) review scientific publications presenting the major research trends of Vladimir Solovyev's work in Russia and abroad; 2) define the main scientific trends of philosophical understanding of memory on the basis of analysis of V.S. Solovyev's works ("Theoretical philosophy", "Enigma of progress", speeches dedicated to the memory of outstanding figures of Russian and world philosophy and culture, articles in an encyclopedia and obituaries); 3) prove the importance of the philosopher's ideas for analysis of memory in the times of "memorial boom".

The analysis showed that the issue of memory as socio-cultural, not only psychological phenomenon, was one of the main Vladimir Solovyev's philosophical receptions. He studied memory issues by reference to the main principles of philosophy of holistic knowledge: truth, the good, and beauty. Consequently, the main modes of memory research in V.S. Solovyev's works are presented in the article. We understand a mode as a property of an object, in our case memory, as something momentary, ever-changing, manifesting itself under some conditions and changing or disappearing under others. The modes of memory are considered in the article as: 1) a super-temporal, essential phenomenon, the basis for consciousness, conscientious, real union of Man and God; 2) eternal remembrance and, thereby, extension of Man's existence in memory; 3) communion with spiritual foundations of one's historical existence.

Keywords: Vladimir Sergeevich Solovyev, memory, culture, conscientiousness, truth, theoretical philosophy, justification of the good

Acknowledgments: The article was carried out within the framework of the Program to improve the competitiveness of Tomsk Polytechnic University.

For citation: Loyko O.T. Vladimir Solovyev: memory in the context of culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universita. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2022;45:52-58. doi: 10.17223/22220836/45/6

В историческом бытии культуры Отечества есть имена, составляющие ее «золотой фонд», в котором Владимир Сергеевич Соловьев занимает достойное место. В настоящей работе предпринята попытка реконструкции взглядов В.С. Соловьева на проблему памяти, которая в условиях стремительно набирающем силу мемориальном буме создает конкурирующие траектории воспоминаний, включающие реактивацию прошлого, «возможность его освоения с помощью активной функциональной памяти» [1. С. 236]. Соответственно, появление новых конструкторов прошлого нуждается в культурологической рецепции, ориентиром которой выступают труды Владимира Соловьева.

Анализ содержания, хронологические рамки работ позволили выделить основные модусы памяти в философском наследии В.С. Соловьева. Под модусом в нашей работе понимается способ передачи смысла текстов, отражающих культурный контент памяти. Применение модального подхода позволило вычленил такие модусы памяти, как сущностное свойство бытия человека как вечной памяти и, наконец, памяти в ее отношении к прошлому. В «Оправдании добра» выстраивается система этики, в рамках которой человечество только и может развиваться, в трактате «Теоретическая философия» обоснована истинность мышления человека. Соловьев во всем ищет смысл, поэтому в статье «Первое начало теоретической философии» он начинает рассуждение с нравственных оснований мыслительной деятельности: «Идея добра формально требует от всякого деятеля, чтобы он добросовестно относился к предмету своей деятельности. Это требование имеет всеобщее значение и не терпит никаких исключений. В силу его мыслитель-практик прежде всего обязан к добросовестному исследованию истины» [2. Т. 1. С. 760–761].

Соловьев убежден, что мыслитель не только несет ответственность за свои действия, но и должен понять всю меру этой ответственности. Его теория – это не законченная система, а постоянно изменяющаяся, уточняющаяся картина мироздания, приобретающая иную модальность. Таким образом, первый и самый главный методологический постулат В.С. Соловьева – добросовестность исследователя, мыслителя – практика, которую философ понимает не в духе материализма. Практика для В. Соловьева – это постоянный

процесс напряженного додумывания окончательных оснований жизни, поиска смысла бытия. Завершая статью о первом начале теоретической деятельности, он приходит к выводу о существовании психической надличности, которая предоставляет самодостовверные данные. «Нельзя ни в коем случае сомневаться в одном: в *наличной* действительности, в факте, *как таковом*, в том, что *дано*» [2. Т. 1. С. 793].

Следующим шагом, определяющим достоверность познания, является осознание устремленности к познанию истины. Эта проблема ставится и с удивительной логичностью решается во второй статье трактата «Достоверность разума». Философ выделяет два рода достоверного знания: непосредственное сознание испытываемых психических фактов и непосредственное разумение логического значения некоторых из них [Там же. С. 804]. Логические факты прямо влияют на непосредственные психические факты, но реальным источником логических фактов может быть и в действительности являются только те из них, которые сохраняются: «Нельзя утверждать: *бывает*, если не помнятся те многие случаи, когда *было*» [Там же. С. 808].

Соловьев первым из философов XIX в. указывает на память как основание сознания, всякой психической деятельности, тем самым становясь пионером исследования памяти с позиций феноменологии. Сравнение творческой эволюции воззрений Вл. Соловьева и Э. Гуссерля приводит современного немецкого исследователя творчества Вл. Соловьева Л. Венцлера к выводу об универсальности феноменологии в исследовании мира трансцендентных феноменов, таких как память, сознание. «Соловьев, – пишет Л. Венцлер, – исходит из поиска границ феноменального субъекта. По Соловьеву, истина не есть непосредственная данность, но данность, которая как феномен достигается волевым усилием и проявляется как вопрос об истине» [3. S. 135]. (Здесь и далее перевод с немецкого – О. Лойко). «Прорыв к феноменологии» – так озаглавливает один из разделов работы о Соловьеве Х. Даам. «Можно считать доказанным, что в девяностые годы под воздействием жизненных обстоятельств наметился переход Соловьева на позиции феноменологии субъекта, чистого-Я, его представленности в духовной жизни человека» [4. S. 65]. Вл. Соловьев использовал теоретические возможности феноменологии в анализе трансцендентных явлений. Об этом свидетельствуют его рассуждения о памяти как прямой реакции на нечто «сверхвременное на процесс непрерывного возникновения и исчезновения психических состояний».

Продолжая исследование памяти, В. Соловьев дает ее предварительное определение как психического факта, не имеющего логического значения. Для этого памяти необходимо обрести свое собственное бытие. Этим бытием, согласно Соловьеву, выступает слово как *обобщение* сохраненных памятью психических фактов. «Память поднимается над психической надличностью лишь в том смысле, что состояние, исчезнувшее в настоящем, сохраняется в сознании как бывшее» [2. Т. 1. С. 809]. Соловьев ставит проблему объема и содержания памяти, ее ментальной вместимости. Феномен ментальной вместимости памяти хорошо известен каждому. Мы помним, вспоминаем при определенных условиях больше, чем можем себе представить. Процесс постоянного увеличения информационных потоков предельно актуализирует вопросы сохранения их содержания до объема, могущего быть усвоенным индивидуальной памятью. В этом случае увеличение емкости культурной памяти возможно при условии

минимизации способов ее хранения, которые могут выступать в форме науко-емких электронных технологий и высокоэффективных организационных мнемотехник и инновационных феноменов культуры.

«Если воспоминаемое», – продолжает Соловьев, – есть группа различных состояний, то фактическое отсутствие внутреннего единства между составляющими этими состояниями не упраздняется памятью о них, которая никакого нового единства не создает: воспоминаемые факты остаются такими же *разрозненными, отдельными* в воспоминании, какими были в прошедшей действительности» [2. Т. 1. С. 810]. Итак, достоверность разума как добродетель – такая постановка вопроса в прозрачном Соловьевском изложении предполагает следующий шаг – к практической культуротворческой деятельности, убежденным и последовательным сторонником которой он был.

Эта особенность работ В. Соловьева представлена некрологами, статьями о деятелях отечественной культуры. Он пишет развернутые и содержательные статьи о Н.Я. Данилевском, К. Леонтьеве, О. Конте. Принцип подачи материала – объективность, достоверность и благожелательность. «Независимо от оценки его историко-публицистического труда должно признать в Данилевском человека самостоятельно мыслящего, сильно убежденного, прямодушного в выражении своих мыслей и имеющего скромные, но бесспорные заслуги в области естествознания и народного хозяйства» [5. Т. 2. С. 414]. Критика позитивизма в его магистерской диссертации «Кризис западной философии (против позитивизма)» (1874) направлена против воззрений Конта. В 1898 г. он читает лекцию «Идея человечества у Августа Конта», посвященную столетней годовщине со дня рождения французского философа. Не отрекаясь от своей научной позиции в критике позитивизма, В. Соловьев отмечает: «Но если мне не приходится раскаиваться в факте своего нападения..., то долг перед Контом все-таки остается – долг указать зерно великой истины в его действительном, целом учении [6. Т. 2. С. 562]. В завершение речи, в которой подробно рассматриваются воззрения Конта и его вклад в развитие философии, Соловьев проводит свою главную линию понимания философии как любви к мудрости. «Для воскресения мертвых, как и для всякого другого дела, знание и любовь еще не составляют самого дела, а лишь необходимое его условие: без них его нельзя совершить, потому что нельзя начать» [Там же. Т. 2. С. 580].

Именно память и любовь составляют основание всей деятельной натуры философа, что отражено в многочисленных некрологах В. Соловьева. Они посвящены кончине людей, имена которых уже стерлись из памяти человека XXI в., но в этих мини-шедеврах они оживают в памяти вечной: Франциск Рачкий, А.М. Иванцов-Платонов, княжна Шаховская, поэт «*задушевного чувства*» Я.П. Полонский, основатель образцовой частной гимназии Л.И. Поливанов, Н.Я. Грот, «распространитель философского образования в России» [7. Т. 8. С. 426]. Обладая сильным ораторским даром, Соловьев в некрологах подчеркивает особые черты характера умерших. О Ф. Рачком он пишет: «Когда в Загребе было большое землетрясение, наполовину разрушившее его готический собор, Рачкий в этом самом соборе служил обедню. Все в ужасе бежали; он остался один и, схватясь за края престола, ничего не видя от пыли, поднятой обвалившимся потолком, dokonчил службу и вышел весь белый от пыли, но целый и неврежденный. Как в эту трагическую минуту, так и во

всю свою жизнь он был прежде всего человеком долга и непоколебимой верности» [8. Т. 8. С. 410].

В некрологах мысли Соловьева соотносятся с идеей воскресения отцов Н. Федорова. Но если Федоров говорит о материальном воскресении как главном деле сыновей, то Соловьев более глубоко рассматривает эту проблему: воскресение в памяти вечной как благочестивое отношение к предкам.

Предмет особого восхищения и преклонения – фигура и личность Ф.М. Достоевского. В речи, произнесенной на его могиле, Соловьев говорит: «Чем лучше можем выразить свою любовь к нему, чем лучше помянуть его, как если согласимся и провозгласим, что любовь Достоевского есть наша любовь и вера Достоевского – наша вера» [9. С. 227]. Особо значимыми являются «Три речи в память Достоевского» (1881–1883). Тематика речей обширна и зачастую выходит далеко за рамки идей писателя. Первая – критика бытового реализма в современной литературе, отсутствие в ней идеалов. Все это одинаково близко как Достоевскому, так и Соловьеву. Вторая – развитие идеи Вселенской церкви, противопоставление ее «домашнему христианству», ограниченному только жизнью отдельного человека, причисляющего себя к Церкви Христовой. Третья – это характеристика мировоззрения Достоевского, как его воспринял Соловьев, – принятие мира в его целостности. Знаменательно, что современник говорит о своем современнике как сомислителя, пытаясь донести это и до тех, кто, зная Достоевского, вряд ли мог понять всю глубину его творчества. Но повторение, разъяснение величия Достоевского – это и есть добросовестное делание памяти.

Цельное знание предполагает в качестве своего завершения исторический ракурс, который позволяет ответить на вопрос о смысле жизни человека, истории в целом. В. Соловьев дает блестящий пример краткого ответа на «вечный» вопрос. Маленький шедевр «Тайна прогресса» – тому зримое доказательство. Заблудшее человечество пытается понять, в чем смысл его существования. Сюжет, сказка, притча, способная «завлечь, увлечь» читателя. Охотник, заблудившийся в лесу (читай – потерявший смысл жизни), садится на камень (Ты Петр камень – на тебе созижду Церковь свою и врата ада не одолеют ее). Древняя старуха в «дорогом платье, только совсем ветхом, и лицо, цветом как залежавшийся цареградский стручок» [10. Т. 2. С. 556] предлагает показать охотнику местечко – чистый рай, где забудется всякое горе. Несет он старуху через бурную реку (читай – реку жизни) и, если вначале путь его был трудный, ноша тяжелая, то постепенно легче и легче идти стало. «И чудится ему что-то несодеянное» [Там же]. Перенес старуху, а она обратилась в красавицу-девицу, «привела она его на свою родину и уже больше не жаловался он на свое одиночество» [Там же]. Фигура возвращения, возрождения, воспоминания, обращение к корням основывается на герменевтической традиции. «Тайна прогресса» написана в 1898 г. и опубликована в газете «Русь» 5 января. Удивительно, но среди многочисленных комментариев, рецензий на работы В. Соловьева это произведение не упоминается. В то время как все истинно «соловьевское» в ней присутствует: ясность стиля, понятность сюжета, острое желает убедить, увлечь и завлечь читателя. Все эти художественные приемы в XX в. использовали и У. Эко, и Б. Акунин. «Тайна прогресса» замыкает исследование памяти у Соловьёва. От теории памяти в «Достоверности знания» к благочестивому помятованию

прошлого в статьях об ушедших и, наконец, память как смыслосозидающая реальность прогресса.

Читая труды В. Соловьева, невозможно не поддаться обаянию его стиля, манеры изложения, простоте символического мира. Его произведения троичны. Это видно из названий его работ: «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», «Три свидания», «Три силы», «Три речи в память Достоевского». Троичность является стержнем трактата «Оправдание добра», содержащем три части.

Проведенная в статье реконструкция понимания памяти в трудах В.С. Соловьева позволила выявить одну из малоисследованных сфер его разносторонних интересов: память как вечность, отраженная в бытии Бога, как память в людских помятованиях и, наконец, память как созидательный конструкт исторического прогресса, способный придать ему смысл и оптимистическую направленность.

Зададимся вопросом, что могут дать современному исследователю идеи Соловьева о памяти, этого одного из важнейших феноменов бытия человека. Во-первых, следуя логике его интеллектуального поиска, дать представление об абсолютном благе возможно лишь в рамках нравственной философии. В этом случае мы будем иметь дело со «счастливой памятью» (П. Рикер), в исследовании которой сочетается добросовестность ученого и взвешенность высказывания о прошлом. Именно это может преодолеть «закапсулированный» травматический опыт прошлого путем интеграции его содержания в актуальное настоящее. Эта теоретическая процедура позволит снять отрицательные эмоциональные и психологические блокады, нависающие над прошлым. Данный модус памяти выступает как благо, являя собой достойную инвестицию в будущее.

Во-вторых, истина как основа познающей культуры должна быть направлена на конструирование общего поля культурной памяти вне политических манипуляций. Разумеется, абстрактные формулы не оказывают влияния на реальную жизнь людей. Тем не менее, проходя ряд опосредующих стадий, устанавливаются корреляции между за-бытием, бытием и со-бытием.

В-третьих, история и память пребывают в сфере материального и / или вещественного бытия. В этом контексте память выступает как модус памяти вечной. Места локации этой памяти – музейные комплексы, библиотеки, ритуалы, иные информационные ресурсы, главное место среди которых занимает интернет. Одновременно с этим возникает так называемая спектакулятивная память, способная «погрузить» человека в симулятивную, конструируемую реальность прошлого.

Среди работ В.С. Соловьева нет специального исследования, посвященного памяти. Но мысли о памяти, помятовании, вечной памяти, воспоминании яркими вкраплениями украшают его произведения, что позволяет предполагать наличие устойчивого и постоянного интереса Соловьева к этой теме.

Список источников

1. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 272 с.
2. Соловьев В. Теоретическая философия // Сочинения : в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 757–832.
3. Wenzler L. Die Freiheit und das Böse nach Vladimir Solov'ev. Freiburg; München : Alber, 1987. 463 S.

4. *Geschichte der philosophischen Tradition Osteuropa* / Hrsg. von H. Dahm, A. Ignatow. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft Presse, 1996. 695 S.
5. Соловьев В. Данилевский // Сочинения : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 406–414.
6. Соловьев В. Идея человечества у Августа Конта // Сочинения : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 562–582.
7. Соловьев В.С. Некролог Грот Н.Я. // Собрание сочинений : в 9 т. СПб. : Обществ. польза, 1903. Т. 8. С. 446–447.
8. Соловьев В.С. Некролог Рачкий Ф. // Собрание сочинений : в 9 т. СПб. : Обществ. польза, 1903. Т. 8. С. 432–434.
9. Соловьев В.С. Речь, сказанная на Высших женских курсах 30.01.1881 г. по поводу смерти Достоевского // Соловьев В. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991.
10. Соловьев В. Тайна прогресса // Соловьев В. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. С. 556–557.

References

1. Assman, A. (2017) *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. [The time is out of joint? The rise and fall of the temporal regime of Art-Nouveau]. Moscow: New literary review. 272 p.
2. Soloviev, V. (1988a) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Mysl. pp. 757–832.
3. Wenzler, L. (1987) *Die Freiheit und das Böse nach Vladimir Solov'ev*. Freiburg; München: Alber.
4. Dahm, H. & Ignatow, A. (eds) (1996) *Geschichte der philosophischen Tradition Osteuropa*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Presse.
5. Soloviev, V. (1988b) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Mysl. pp. 406–414.
6. Soloviev, V. (1988c) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Mysl. pp. 562–582.
7. Soloviev, V.S. (1903a) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 8. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. 446–447.
8. Soloviev, V.S. (1903b) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 8. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. 432–434.
9. Soloviev, V.S. (1991) *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [The Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo. pp. 223–225.
10. Soloviev, V. (1988d) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Mysl. pp. 556–557.

Сведения об авторе:

Лойко О.Т. – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии науки и техники Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск). E-mail: olgaloyko@tpu.ru

Information about the author:

Loiko O.T. – National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgaloyko@tpu.ru

Статья поступила в редакцию 26.09.2019;
одобрена после рецензирования 27.07.2020; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 26.09.2019;
approved after reviewing 27.07.2020; accepted for publication 25.02.2022.